

12 4 МАР 1976

«Общезвестно сравнение хорошей песни с ключом, которым можно отарить сразу тысячу сердец. Но для того, чтобы песня могла обрести такое всемогущество, исполнителя должен быть предельно искренним, раскрыть и, не скупясь, вложить в песню все, чем богата его душа...»

К. И. ШУЛЬЖЕНКО.

КЛАВДИЯ Ивановна Шульженко! Редким искусством владеет она: быть людям близкой, понятной, нужной. Шульженко заняла особое место на нашей эстраде. Одна из немногих настоящих артистов, она безошибочно узнаваема среди множества голосов, манер, стилей. Глубина содержания, отточенность, мастерство, искренность... Такою она утвердила себя много лет назад, такою живет в нас и поныне. Она как бы находится вне мод и течений. Модой увлекаются, бредят, а Шульженко любят.

Ее пение — особый дар музыкальной речи, в которой одинаково знаменательны и мелодический рисунок и поэтический текст. Ни одна подробность, ни один оттенок смысла и настроения не ускользнет от слушателя. Сколько людей собирается на ее концерт, покупают и слушают ее пластинки! И каждому чудится, что Шульженко поет о нем, для него.

Обаяние ее немеркнувшей популярности следует искать прежде всего в ней самой, в ее подходе и отношении к этому «тяжелому» легкому жанру — эстраде.

На вопрос о том, как она работает над песней, какова ее творческая лаборатория, Клавдия Ивановна отвечает:

— Я мну песню, как скульптор мнет ком глины, прежде чем придать ему законченные черты изваяния. Работа начинается с поисков. Я ищу песни, которые были бы мне близки, в которых чувствовала бы что-то родное себе... Потом начинаю учить песню. Иногда

она дается сразу. А иногда песня «сопротивляется», не дается, и тогда я мучаюсь, подхожу к ней с разных сторон, пробую другой темп, другую интонацию, а порой даже прошу авторов что-то изменить, переделать. Случается и так, что мне не удается сломить «упрямство» песни, и приходится, хотя и с большой печалью, отказаться от нее или отложить ее в «долгий ящик» — до лучших времен... Но наконец песня выучена, сделана, отработана. Снова и снова я пою ее в комнате, чувствую, как с каждым повторением песня набирается сил. И наступает момент, когда ей становится тесно в комнате. И песня переходит в концертный зал...

К этому рассказу Клавдия Ивановна добавляет, что очень трудно весь творческий процесс работы над песней передать словами.

— «Вживание» в песню (очень близкое «оживанию» актера в роль, режиссера в пьесу) держится порой на необъяснимых оттенках чувства, на том волшебном «чуть-чуть», которое так много значит в любом искусстве. Главное, как можно глубже почувствовать музыку и слово, как можно больше вложить в это чувство своего, личного, пережитого и виденного в жизни.

И она выпускает песню в жизнь, когда чувствует, что уже бессильна что-либо добавить или изменить.

На протяжении всей творческой деятельности Шульженко осталась неизменно верна своей исполнительской манере. Но это не мешает быть ей бесконечно разнообразной. Что ни песня, то новый портрет, точно схваченный в самых ха-

рактерных чертах. Женщины, с которыми знакомит нас Шульженко, умеют глубоко чувствовать, они горды, поэтому даже о самом больном и горьком у них хватает сил говорить с мужественной сдержанностью. Она не пишет сама стихов, музыки. Ее вклад в песню — создание образа, глубокого, неповторимого.

Всем хорошо известно, какой огромной популярностью пользовалось искусство Шульженко в годы войны, как тепло и радостно встречали бойцы любимую артистку на полях сражений в короткие минуты затишья. Петь приходилось в самых невероятных условиях, подчас буквально на передовой. Одетая в гимнастерку и ватник, с пилоткой или ушанкой на голове, нередко превозмогая усталость, она выступала дважды, а то и трижды в день. Зачастую на концертах Шульженко «бисам» не было конца, и аплодисменты достигали силы оружейного залпа! А после концертов, как правило, были встречи, душевные беседы со слушателями. И для каждого у Шульженко находилось ласковое слово, взгляд или просто душевная улыбка.

Провожая певицу, бойцы кричали вслед:

— Не забывайте! Приезжайте! Мы вас любим! Ждем! Приезжайте скорее! Передайте там, в тылу, что мы будем стоять насмерть, а Ленинград не сдадим!

Это было 12 июня 1942 года. Электричества в осажденном Ленинграде давно уже нет. Но сцена ярко освещена. В зрительном зале представители всех

родов войск. На сцене появляется Шульженко, и зал взрывается громом аплодисментов. Все собрались отметить крупный юбилей певицы и ее «боевого подразделения — песни» — 500 блокадных концертов! Сменяют друг друга песни, то боевые, то довоенные. Волнение Шульженко передается слушателям, зал дышит одним дыханием с ней. На сцену из темноты летят записки с просьбами. И среди них «Синий платочек». Успех «Синего платочка» в годы войны был необычайным. Шульженко пела его на каждом концерте. Порой слова песни переписывали под диктовку певицы.

«Песни Шульженко как снаряды и патроны были нужны нам в бою! «Синий платочек» и сейчас с нами — на всю жизнь» — сказал не так давно один из участников боев за Ленинград.

Орденом Красной Звезды, медалью за оборону Ленинграда, «За победу над Германией» — так отметило командование Ленинградского фронта заслуги Клавдии Ивановны Шульженко.

Звучали и звучат песни народной артистки РСФСР К. И. Шульженко. Звучат с эстрады, с пластинок, в эфире, выделяясь среди множества модных и сверхмодных ритмов.

Наша лучшая эстрадная певица поет о том, что волнует людей, что им близко и дорого, ее песни оставляют глубокий след в сердцах слушателей, прочно оседают в памяти. Бывают моменты, когда снова и снова убеждаешься, как правдиво и жизненно искусство певицы, как она умеет запечатлеть самые, казалось бы, сокровенные порывы человеческого сердца.

Она и сейчас в строю, и песня — ее жизнь, ее сила, ее молодость.

От всей души хочется поздравить певицу с ее 70-летним юбилеем.

Вы молоды, Клавдия Ивановна. Мы вас любим!

Г. ГОЛУБЕВА.